

И. С. Ярышева
Петроаводск

DOI:10.15393/j9.art.2011.319

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ ДОСТОЕВСКИХ (1867—1881) В МЕМУАРАХ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Изучение творчества Ф. М. Достоевского в контексте христианской духовности имеет более чем столетнюю историю. Тема религиозных убеждений писателя затрагивалась еще его современниками (Вл. Соловьевым, К. Леонтьевым). В начале XX века она бурно обсуждалась в работах представителей русского религиозно-философского ренессанса (Д. С. Мережковского, С. Н. Булгакова, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, В. В. Зеньковского, митрополита Антония Храповицкого и др.). Не утратила она своей остроты и сегодня. Современная интерпретация темы «Достоевский и Церковь» представлена в работах о. Димитрия Григорьева, В. Н. Захарова, А. Е. Кунильского, В. М. Лурье, А. М. Любомудрова и многих других исследователей творчества писателя.

«Ты, единственная из женщин, которая поняла меня!»¹ — эти слова о том, что для него было важнее всего, Достоевский адресовал самому близкому и преданному ему человеку, супруге Анне Григорьевне. Благодаря ей последние и самые плодотворные 14 лет жизни (1867—1881) он прожил счастливо — любовь, ласка, внимание, забота, тер-

пение и понимание со стороны супруги компенсировали ему все тяготы бытия. Но самое главное — она стала незаменимой помощницей в творческой работе мужа как профессиональная стенографистка, первая слушательница и первый критик его произведений. Свою семейную жизнь с нею писатель связывал с мыслью о покровительстве Божиим. В одном из писем, адресованных жене, он писал:

Мнѣ Богъ тебя вручилъ, чтобъ ничего изъ зачатковъ и богатствъ твоей души и твоего сердца не пропало, а напротивъ чтобъ богато и роскошно, взросло и разцвѣло; даль мнѣ тебя, чтобъ я свои грѣхи огромные тобою искупилъ, представивъ тебя Богу, развитой, направленной, сохраненной, спасенной отъ всего что низко и духъ мертвить...²

С целью обнаружить ответ на вопрос, какими видела взаимоотношения Достоевского с Церковью его супруга, обратимся к изображению религиозной жизни семьи Достоевских в ее мемуарах. Это произведения, признанные исследователями жизни и творчества писателя наиболее достоверными фактографическими источниками о нем: ее «Дневник» 1867 года и «Воспоминания», белой автограф которых готовился в период с 1911 по 1916 год.

Необходимо иметь в виду, что два указанных мемуарных произведения А. Г. Достоевской по своему характеру различны. Дневник 20-летней девушки, записи в котором велись в первый год замужества, является пред-текстом «Воспоминаний» и отличается до-литературной спонтанностью. Это сумбурные, порой детски непосредственные стенографические записи происшествий и мыслей, приватный и интимный документ, куда заносилось буквально все, беспорядочно и без цензуры разума³. Совсем дру-

² *Достоевский Ф. М.* Письмо к Достоевской А. Г. От 5 (17) мая 1867 г. РГАЛИ, 212.1.23, л. 7 об.

³ Из четырех стенографических книжек-тетрадей «Дневника» 1867 года не сохранилось последней, четвертой. Первая из них существует в двух вариантах — стенографическом и расшифрованном через 30 лет А. Г. Достоевской (с литературной правкой). Вторая тетрадь сохранилась лишь в расшифрованном А. Г. Достоевской виде. Первую и третью тетради расшифровала, хотя не бесспорно и не полностью, Ц. М. Пошманская. Здесь, при необходимости использования цитат из первой тетради

гое — литературные воспоминания 70-летней вдовы великого писателя, когда у самой мемуаристки окончательно оформился взгляд на Достоевского как на личность, что и определило отбор фактов для текста «Воспоминаний».

Религиозный образ самой А. Г. Достоевской в обоих мемуарных документах статичен: она предстает воцерковленным человеком. В «Воспоминаниях» Достоевская подчеркивает свое христианское воспитание. В одной из глав пишет с восхищением о матери — шведке по происхождению, лютеранке, принявшей православие:

Сдѣлавшись православной, моя мать стала ревностно исполнять обряды церкви, говѣла, причащалась, но славянскіе молитвы на славянскомъ языкѣ ею трудно усвоивались и она молилась по шведскому молитвеннику. Она никогда не раскаявалась въ томъ, что перемѣнила религію, «иначе, говорила она, я бы чувствовала себя далекою отъ мужа и дѣтей, а это было бы мнѣ тяжело» (В, л. 11—12).

«Строгой исполнительницей обрядов православной церкви» (В, л. 517) Анна Григорьевна стала по примеру отца и «съ истиннымъ удовольствіемъ присутствовала на богослуженіяхъ, особенно на всенощной службѣ, когда въ темномъ храмѣ такъ красиво и таинственно мерцали многочисленные цвѣтныя лампы» (В, л. 44). Еще в юности, 13-летней девочкой, она намеревалась уйти в монастырь. «Это былъ міръ, который влекъ къ себѣ мою душу», — писала мемуаристка (В, л. 44). Заметим, что именно отец возил Анну Григорьевну на остров Валаам, так очаровавшее ее место, где богомольная девушка наверняка посещала древнюю иноческую обитель, называемую Северным Афоном. Вспоминая о встрече с одним из своих «посватанных женихов», она писала:

Особенно сблизила насъ бесѣда о Валаамѣ, гдѣ онъ тоже бывалъ. Онъ разсказалъ многіе эпизоды своего пребыванія на островѣ, я тоже подѣлилась своими воспоминаніями о знакомыхъ и ему и мнѣ тамошнихъ обитателяхъ (В, л. 34 об.).

Судя по дневниковым записям, молодая жена Достоевского, пребывая за границей, регулярно посещает службы

«Дневника» 1867 года, приоритет будет отдаваться записям, расшифрованным самой А. Г. Достоевской и хранящимся в архиве РГАЛИ.

в русских церквях и с непосредственностью юной девушки расстраивается, когда это не удается:

Сегодня я собиралась идти в церковь, но из-за бизы не пошла, и мне это так больно; мало того, что я так давно не была в церкви, я дала себе слово непременно идти в это воскресенье, и вот не пошла; но в будущее воскресенье я пойду непременно⁴.

Такие случаи непосещения церкви в воскресные дни 1867 года для Анны Григорьевны крайне редки. Более того, согласно наивным дневниковым записям молодой супруги, сам Федор Михайлович не только не поощряет такой воцерковленный образ жизни жены за границей, но даже прямо или косвенно выступает препятствием ее желанию посетить службу.

Ходила в церковь молиться, а сначала поссорилась с Федей, который меня бранил, зачем я его раньше разбудила (ДН-2, с. 386).

Сегодня я встала рано чтобы идти въ Русскую Церковь. Федея просилъ меня заварить ему чаю, но Ида какъ нарочно такъ долго копалась съ кипяткомъ, что я просто боялась придти къ концу обѣдни⁵.

Я сегодня хотѣла идти въ русскую Церковь, но случилось такъ, что я, заснувъ въ 12 часовъ ночи, была разбужена Федей въ 2 и съ этой минуты уже никакъ не могла заснуть (ДН-1, л. 193).

Я пришла домой из церкви довольно веселая, но меня встретил Федея сурово и указал на произведенный беспорядок в доме (ДН-2, с. 75).

Сегодня я хотела идти в церковь, но Федея сказал, что это можно и отложить и я осталась (ДН-2, с. 108).

Сегодня я встала довольно рано и, когда Федея проснулся, спросила его, можно-ли мнѣ идти въ церковь. Онъ согласился, я поскорѣе одѣлась и ушла (ДН-1, л. 62).

⁴ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М., 1993. С. 347—348 (стенограф. запись в расшифровке Ц. М. Пошеманской). Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием названия (ДН-2) и страниц.

⁵ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. Книга 1 // РГАЛИ, 212.1.148. Л. 225 (стенограф. запись в расшифровке А. Г. Достоевской). Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием названия (ДН-1) и листов.

Как указывает Н. О. Лосский, связь жены Достоевского с церковью «сохранялась всегда в традиционных формах. По праздничным и воскресным дням она, обыкновенно, ходила в церковь, тогда как из сведений, имеющих о Достоевском, скорее видно, что он сравнительно редко бывал в церкви, по крайней мере до возвращения в Россию из-за границы в 1871 г.»⁶. Судя по записям «Дневника» 1867 года, действительно, упоминание о совместном посещении супругами Достоевскими православного храма единично:

Мы заходили въ Русскую церковь Николая Чудотворца на Большой улицѣ, поклониться Плащаницѣ (ДН-1, л. 3).

Это было в городе Вильна в апреле 1867 года, в самом начале заграничного путешествия Достоевских. При этом интересно отметить, что записи о совместном посещении путешествующими супругами католических и протестантских церквей, описание их архитектурных особенностей в «Дневнике» встречаются гораздо чаще. Как известно, Ф. М. Достоевский интересовался памятниками церковной архитектуры. Особое его внимание привлекала готика, неслучайно рукописи писателя изрисованы элементами готических соборов. Такой же интерес он хотел привить своей юной жене:

Федя (увидев старинную готическую церковь — *И. Я.*) <...> началъ бранить меня зачѣмъ я разговариваю со старухами, а не обратила вниманія на это совершенство въ искусствѣ. Онъ былъ не правъ: я ее очень хорошо разсмотрѣла; дѣйствительно Церковь удивительно хороша, оригинальной архитектуры (ДН-1, л. 97—98).

Семейный быт Достоевских включал обсуждение разных, в том числе и религиозных, вопросов:

Потом вечером у нас обыкновенно идут разговоры; так, вчера мы говорили о евангелии, о Христе, говорили очень долго (ДН-2, с. 275).

Размеренная жизнь вне суеты и проблем Петербурга, возможность спокойного обдумывания творческих замыслов и, конечно, душевная семейная обстановка — все это было существенным фактором религиозной жизни писателя.

⁶ Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 56.

По справедливым наблюдениям Ю. И. Айхенвальда, в частых семейных конфликтах в начале семейной жизни Достоевских, отраженных в «Дневнике» А. Г. Достоевской, «нависавшая гроза и тревога разрѣшалась счастливо»⁷. Дальнейшая жизнь с доброю и умною женою, понимавшею величие гения своего мужа и прощавшею ему его недостатки, принесла такие глубокие переживания, которые создали «неразрывное сочетание двух душ»⁸.

В «Воспоминаниях» религиозная жизнь Достоевского предстает более насыщенной, чем в «Дневнике» юной девушки. Здесь, в оправдание столь нечастого посещения мужем церкви, мемуаристка указывает на его распорядок дня, вызванный всегдашней необходимостью работы на износ. Достоевский, как в России, так и за границей, работал обычно ночью, вставал поздно.

Ееодоръ Михайловичъ любилъ порядокъ во всемъ, въ томъ числѣ и въ распредѣленіи своего времени; поэтому у насъ вскорѣ установился строй жизни, который не мѣшалъ никому изъ насъ пользоваться временемъ какъ мы хотѣли. Такъ какъ мужъ работалъ ночью, то вставалъ не раньше один<н>а-дцати. Я съ нимъ завтракала и тотчасъ отправлялась осматривать какую нибудь Sammlung и въ этомъ случаѣ моя молодая любознательность была вполне удовлетворена (В, л. 185).

На Страстной неделе Достоевский, как вспоминала его супруга, вместе с семьей постился, ходил два раза в день в церковь и причащался:

Могу удостовѣрить, что на всѣ великія службы Страстной и Пасхальной недѣль мы ходили съ мужемъ всегда вмѣстѣ (я боялась не произошло-бы (отъ духоты и тѣсноты) припадка), и бывали или въ правомъ предѣлѣ Знаменской Церкви, а въ послѣдніе три года — во Владимірской Церкви (В, л. 735).

К тому же интерес к готической церковной архитектуре, отмеченный его женою в дневниковых записях, не был основным для Достоевского. В «Воспоминаниях» Анна Григорьевна указывает, что муж «чрезвычайно цѣнилъ архитектуру» жемчужины московского барокко, символа высокого развития русской церковной архитектуры — «церкви

⁷ Айхенвальд Ю. И. Две жены: Толстая и Достоевская. Берлин, 1925. С. 148.

⁸ Лосский Н. О. Указ. соч. С. 15.

Успенія Божіей Матери (что на Покровкѣ)» «и, бывая въ Москвѣ, непремѣнно ѣхаль на нее взглянуть» (В, л. 156). Как впоследствии рассказывала Е. П. Достоевская, опираясь на слова Анны, вдовы писателя, Достоевский «ходил преимущественно в простые, уединенные церкви, любил деревенские церкви и его любимым духовником был о. И. Румянцев в Старой Руссе»⁹.

Религиозный быт мемуаристики был неизменен до конца ее дней. Невестка Анны Григорьевны Екатерина Петровна Достоевская вспоминала о жизни свекрови в 1917 году:

Каждый вечер неизменно я сквозь закрытые двери слышала ее полусдержанный голос, повторявший молитвы, — голос горячей мольбы, убеждения, надежды, порою слезы; так молиться может человек, у которого никогда и тени сомнения не зарождалось, который опять-таки верил слепо, без рассуждений. Анна Григорьевна осуждала и возмущалась мистикой или спиритическими воззрениями — она находила, что можно верить или так, как повествует Евангелие, или не верить вовсе¹⁰.

Федор Михайлович, в отличие от супруги, обретал веру путем мучительно-целительных сомнений. «Жаждешь, как “трава иссохшая”, веры и находишь ее, собственно, потому, что в несчастье яснее истина», — писал он Н. Д. Фонвизиной в феврале 1854 года¹¹. И это отличие в их способах обретения веры известно Достоевской. Мемуаристка не решается погружаться в глубины сложнейшей духовной и творческой жизни писателя. Однако несправедливы и обвинения К. И. Чуковского следующего содержания:

В ее благоговѣнном воображеніи он рисуется каким-то простым и уютным обывательским дядей без всяких сатанинских соблазнов и без всяких мучительных противорѣчій¹².

Анна Григорьевна и в этом отношении старается быть объективной. Так, рассказывая о замысле нового романа мужа «Житие великого грешника», Достоевская отмечает:

⁹ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского (1506—1933). М., 1933. С. 154.

¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 176.

¹² Сперанский В. Н. Вдова Достоевского. К 70-летию смерти писателя. Страница воспоминаний // Русский мир. 1951. № 318 (9 февраля).

Во всѣхъ пяти повѣстяхъ Ѳеодоръ Михайловичъ предполагалъ провести тотъ важный и мучительный вопросъ, которымъ онъ болѣлъ всю свою жизнь, именно вопросъ о существованіи Бога (В, л. 233—234).

Особое внимание в «Воспоминаниях» уделяется молитве Достоевского — интимному проявлению религиозной жизни. Достоевский любил молиться и всецело отдавался общению с Богом. Об этих минутах жизни мужа Анна Григорьевна рассказывает:

Въ соборѣ было не мало народу и служили непрерывные молебны передъ иконой Казанской Божіей Матери. Ѳеодоръ Михайловичъ тотчасъ скрылся въ толпѣ. Зная, что въ инья торжественныя минуты онъ любить молиться въ тиши, безъ свидѣтелей, я не пошла за нимъ и только полчаса спустя отыскала его въ уголкѣ собора, до того погруженнаго въ молитвенное и умиленное настроеніе, что въ первое мгновеніе онъ меня не призналъ (В, л. 405).

Придумав план устроить поездку за границу, несмотря на недостаток средств, Анна Григорьевна предложила мужу зайти в часовню Вознесенской церкви, и там они «вмѣстѣ помолились передъ образомъ Богородицы» (В, л. 178).

Когда начались роды первого ребенка, Достоевский всю ночь молился, и при появлении на свет дочери Сони он «благоговѣнно перекрестилъ» ее (В, л. 216). Перед рождением сына Федора Достоевский молился «весь день и всю ночь» (В, л. 252). Когда двухлетняя дочь Достоевских Любочка сломала ручку, она неправильно срослась и пришлось прибегнуть к операции, Достоевский уповал на помощь Божию:

— Аня, будемъ молиться, просить помощи Божіей, Господь намъ поможетъ! прерывающимся голосомъ сказалъ мнѣ мужъ и мы опустились на колѣни и, никогда, можетъ быть, не молились такъ горячо, какъ въ эти минуты! (В, л. 288).

Воспитанные в христианских традициях Достоевские так же воспитывали и своих детей.

Въ девять часовъ дѣтей нашихъ укладывали спать и Ѳеодоръ Михайловичъ непремѣнно приходилъ къ нимъ «благословить на сонъ грядущій» и прочитатъ вмѣстѣ съ ними «Отче Нашъ», «Богородицу» и свою любимую молитву: «Все упованіе

мое на Тя возлагаю, Мати Божія, сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ!» (В, л. 348).

Через четыре года, возвращаясь в Петербург и проезжая мимо собора св. Троицы, «въ которомъ происходило наше вѣнчаніе... мы съ мужемъ помолились на церковь; на насъ глядя, перекрестилась и наша малютка-дочь» (В, л. 251).

Молитва — религиозный акт, сближающий членов семьи Достоевских с уже покойным Федором Михайловичем:

...я рѣшила чтобы по моемъ мужѣ совершали сорокоустъ въ Александро-Невской Лаврѣ и въ теченіи 40 дней присутствовала вмѣстѣ съ моими дѣтьми на заупокойной обѣднѣ въ Церкви Св. Духа и на панихидѣ и литіи на могилѣ. Это ежедневное посѣщеніе могилы Θ<еодора> М<ихайловича>, молитва и слезы по немъ сближали насъ съ усопшимъ и мы такимъ образомъ какъ-бы еще нѣкоторое время не разставались съ нимъ окончательно (В, л. 517).

Истинный христианин проверяется своим поведением перед смертью, которым измеряется его вера в Воскресение и всеблагость Божию.

Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть человѣкомъ, такъ человѣкомъ же и воскресеніе мертвыхъ. Какъ Адамомъ всѣ умираютъ, такъ Христомъ всѣ оживутъ¹³.

Сам Достоевский в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год утверждал:

Право, у нас теперь иной даже молится и в церковь ходит, а в бессмертие своей души не верит, то есть не то что не верит, а просто об этом совсем никогда не думает. <...> А меж тем лишь из этой одной веры, как уже и говорил я выше, выходит весь высший смысл и значение жизни, выходит желанье и охота жить¹⁴.

В так называемом «Альбоме признаний», хранящемся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, есть анкета А. Г. Достоевской, где она на вопрос: «Какою смертью хотѣли бы вы умереть?» дала ответ христианки:

¹³ Первое послание Святого Апостола Павла к Коринфянам. Гл. XV // Евангелие. СПб., 1823. Ст. 20—22. С. 461.

¹⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1982. Т. 24. С. 50.

«Похворавъ и покаявшись»¹⁵. Спутница писателя умерла после продолжительной болезни 9 июня 1918 года в Ялте, пережив его на 37 лет.

Согласно ее «Воспоминаниям», последние три дня жизни, когда лопнула легочная артерия и начались кровотечения горлом, Достоевский провел спокойно, как твердо верующий православный христианин, с постоянной мыслью о Боге.

«Аня, прошу тебя, пригласи немедленно священника, я хочу исповѣдаться и причаститься!» — обратился он к жене после сильного кровотечения. Когда священник пришел,

Теодоръ Михайловичъ спокойно и добродушно встрѣтилъ Батюшку, долго исповѣдывался и причастился. Когда священникъ ушелъ и я съ дѣтьми вошла въ кабинетъ чтобы поздравить Теодора Михайловича съ принятіемъ Св. Тайнъ, то онъ благословилъ меня и дѣтей, просилъ ихъ жить въ мирѣ, любить другъ друга, любить и беречь меня. Отославъ дѣтей, Теодоръ Михайловичъ благодарилъ меня за счастье, которое я ему дала и просилъ меня простить, если онъ въ чемъ нибудь огорчилъ меня (В, л. 480—481).

Через день, проснувшись рано утром, он сказал жене: «Я сегодня умру» и попросил дать ему Евангелие.

Открылось Евангеліе от Матѳея. Гл. III, ст. II: «Юаннъ же удерживалъ его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ тебя и ты-ли приходишь ко мнѣ? Но Исусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду».

— Ты слышишь — «не удерживай», значить, я умру, — сказалъ мужъ и закрылъ книгу.

Я не могла удержаться отъ слезъ. Теодоръ Михайловичъ сталъ меня утѣшать, успокоивать, говорилъ мнѣ милыя, ласковыя слова, благодарилъ за счастливую жизнь, которую онъ прожил со мной. Поручалъ мнѣ дѣтей, говорилъ, что вѣритъ мнѣ и надѣется, что я буду ихъ всегда любить и беречь. <...> ...По умиротворенному лицу было ясно видно, что мысль о смерти не покидаетъ его и что переходъ въ иной міръ ему не страшенъ (В, л. 483—485).

В память о муже вдова Достоевского создала церковно-приходскую школу его имени в Старой Руссе, стараясь глав-

¹⁵ «Альбом признаний» [1889]. РГБ, 93.III.3.2.

ное внимание в ней обратить «на религиозно-нравственное воспитание крестьянских детей» (В, л. 578), как мечтал ее муж.

В мемуарах Анны Григорьевны семья Достоевских предстает православной и воцерковленной, а ее глава, Ф. М. Достоевский, таким, каким он был в жизни и творчестве: человеком, выстрадавшим веру, воспитывавшим детей в православных традициях, принявшим христианскую смерть, наконец, писателем, чье творчество непостижимо вне православия.